

Содержание

Часть первая

7

Часть вторая

135

Эпилог

255

Часть первая

Он смотрел из окна на улицу, похожую на галлюцинацию. Взгляд его был бессмысленным, но тем не менее целеустремлённым. Хотя никакой цели не существовало. Сами глаза поражали отсутствием всякого выражения и своей равнодушной чернотой.

Большая голова этого человека напоминала тень того, кто стоял за его спиной, скрытый от мира. Вдруг бессмысленный взгляд незнакомца стал пронзительным, словно он узрел свою смерть. Но никакой смерти в прямом смысле не было. Человек пошевелился и, наклонив голову, посмотрел налево.

В глазах его появились слёзы, но выражение лица оставалось холодным и жестоким. Казалось,

он видел то, что не могли видеть ни люди, ни демоны...

Долго ещё виднелся силуэт этого существа в одиноком окне...

Глава 1

Лёня Одинцов, молодой, чуть юркий человек лет двадцати семи, стоял в коридоре поезда Москва — Улан-Батор, который следовал через Сибирь в Монголию. Шёл двадцать первый век.

Лёня направлялся из Москвы в Новосибирск к дальним родственникам. Пассажиры здесь были как из западных стран, так и российские.

Лёня, ни о чём не думая, почему-то слегка пританцовывал на месте, глядя в окно. Другие пассажиры в коридоре поезда вели себя смирно, но как-то странно. В чём состояла эта странность, Лёня Одинцов и не пытался понять. Понимание вообще было его слабым местом. Лёня всегда считал, что мир понять невозможно. К нему назойливо подошёл человек, постоянно спрашивающий у окружающих:

— How are you?

Лёня почувствовал, что, если ему зададут этот безразлично-бессмысленный вопрос о том, как он себя чувствует, он сойдёт с ума — пусть даже на время.

В коридоре то появлялись, то исчезали какие-то люди, озабоченные и, как показалось Лёне,

очень разные, несводимые к единому человеческому знаменателю. «Что за чепуха», — бормотал Одинцов, оглядывая их.

Поразила его и малютка, девочка лет семи, с совершенно призрачным, до недоумения, лицом. Она прыгала около ног Лёни и тихонько повторяла:

— Лучше утопиться, чем ехать в таком поезде.

Лёня пожимал плечами: такая маленькая, юркая, как змейка, а уже сумасшедшая.

Довольно увесистая бабёнка лет сорока подошла и вдруг потрогала его, точно проверяла, из чего он состоит.

— Ишь, живой, — хихикнула она после такой проверки.

Лёня тупо молчал, словно вылез из того света.

В дальнем купе истерично залаяла собачка, но её лай быстро оборвался в пустоту.

Поезд тем не менее набирал скорость.

«Куда он так ненормально несётся?» — безучастно подумал Лёня. Где-то он перестал понимать не только мир, но и себя самого.

Внезапно в вагоне, видимо по служебному микрофону, зазвучал с очень убедительными интонациями голос:

— Дорогие леди, джентльмены, товарищи и господа! Рады сообщить вам, что наш поезд изменил направление. Следующая остановка: «Преисподняя».

И сразу же это объявление прозвучало на английском языке.

В ответ воцарилась жутковатая тишина. В полном оцепенении прошло минут пять, а может,

и больше, словно время изменилось. Люди, находившиеся в коридоре недалеко от Лёни, не пошевельнулись. Из купе напротив выглянула девочка с толстым, поросячьим личиком и, взвизгнув, спросила:

— А что, разве есть такая станция?

Ей никто не ответил. Наконец люди закопошились, но никто не кричал благим матом, не хохотал, как будто всё шло как надо.

Лёня мучительно соображал. «Сходит за шутку, — подумал он, — но поезд несётся с какой-то сумасшедшей скоростью. Да и пейзаж за окном меняется, я в жизни не видел такого... Пейзаж-то ведь не тот. Ого-го!»

Кто-то постучал в дверь проводницы, но никто не открывал. Дверь была наглухо заперта, и как-то надёжно, будто навсегда.

Мимо Лёни прошли двое мужчин, и он отметил, что и пассажиры стали чуток меняться, причём в дурную сторону. Не то что выражение их лиц стало диким, напротив, оно оставалось деловым, но в каком-то неприятном смысле.

Вдруг из купе напротив выползла пожилая дама с огромным дорогим чемоданом и обратилась к Лёне:

— Вы в Преисподней сходите, молодой человек?

Лёня нервно отскочил в сторону, и дама, пожав плечами, направилась к выходу. В глазах её не было никакого изумления.

Понемногу в коридор стали выходить люди, один бледнее и прозрачней другого. Лёня с ужа-

сом подумал о поездах-призраках, то возникающих, то исчезающих на железных дорогах, поездах, в которых остановилось время и застывшие фигуры людей в вагонах были видны ошарашенным свидетелям. «Но здесь что-то иное, — мелькнуло в его уме. — Почему они так спешат к выходу?.. Правда, и поезд замедляет ход... А я? Где я? Что происходит? Я всё сознаю, но что будет?»

Его ошеломило, что никто ни о чём не спрашивает, не возражает, не бьётся головой о дверь, не визжит больным голосом, не шутит, в конце концов, — всё было как-то тупо серьёзно, само собой разумеющимся, и порой слишком уж обыденно.

Лёня глянул в окно и похолодел: впереди поглощала взор жуткая чёрная пустота, словно бездонная пасть зверя, но за покровом мрака где-то вдали в бесконечной сумасшедшей пляске двигались еле видимые фигуры живых существ. Да, там была жизнь, полная страха, ненависти и невиданной нигде жестокости, холодной и непреодолимой, как высший закон этой чёрной Вселенной. Ни любви, ни Бога — лишь стон заменял молитву, молитву неведомо кому. Но жизнь и здесь копошилась и в некотором смысле была ключом. И всё это под покровом чёрной пустоты, которая сама казалась мгновеньями живым огромным существом, слитой с этой Вселенной ада. Так, во всяком случае, краем своей интуиции и бьющимся сердцем почувствовал Одинцов. Неожиданно ему послышался вой, исходящий

откуда-то из чёрной пустоты. Вой продолжался, но никто внутри вагона, казалось, не реагировал на него.

Вдруг в вагоне опять зазвучал голос того самого комментатора, но на этот раз довольно похабный и разудалый, тем более полилась дикая песня:

*Наш поезд мчится, словно с вышины,
Здесь остановки нет — а нам пожалуйста!
Раскрылись рты, как чёрные гробы,
Навстречу бесконечной ночи...*

И тут же звуки превратились в истеричное подвывание:

*В вагонах бюсты, в вагонах — люстры,
В вагонах раки жуют министров,
В вагонах быстрых летают ящеры,
А мне не страшно, я — некурящий...*

Комментатор внезапно смолк. Никто из пассажиров не взвизгнул, не заорал в ответ, только один молодой человек смиренно наклонился к Одинцову и произнёс:

— Прежде чем я сойду в ад, погадайте мне, пожалуйста. — И протянул свою ладонь.

Одинцов вскрикнул. Ладонь вдруг стала на его глазах расти, расширяться, и линии судьбы и жизни на ней приобрели кровавый оттенок.

Тайно и смрадно улыбаясь, молодой человек спросил:

— Что, вас смутила рука Преисподней?

Лёне показалось, что ладонь разрослась до чудовищных размеров, заслоня собой окно. Линии на ладони вдруг исчезли, в её центре зазияла чёрная пропасть.

— Я ничего не вижу, — пробормотал Лёня.

— А надо, надо видеть, — глаза обладателя вещи ладони сверкнули злым огнём. — Что же вы потеряли зрение ада? Не ожидал я такого от вас...

И молодой человек скрылся, ушёл туда — то ли к выходу, то ли в тупик, в угол страха...

Одинцов тупо уставился в окно, и собственная тупость поразила его. За окном пейзаж, если так можно выразиться, окончательно устоялся в своей сверхъестественности. Идиотически и неподвижно смотреть на это было невозможно, но у Лёни возникло ощущение, что всё это он когда-то видел, что на самом деле ничего особенного, что вышло бы за пределы смысла, не происходит. «Где я был до своего рождения? — подумал Одинцов. — Неужели здесь? Не поверю!»

Вскоре поезд стал останавливаться.

Наступила тишина. Поезд остановился резко и, казалось, навсегда. Двери открылись сами собой. Извне дохнуло мраком.

— Преисподняя, — раздался безучастный голос комментатора. — Приехали.

И повинувшись какой-то невидимой силе, люди стали выходить, прямо-таки не спеша вываливаться из всех вагонов поезда. Никто не сопротивлялся, ибо сила, влекущая их, была также и в них

самих. И нельзя было не подчиниться своей потаённой сути.

*Умилительно и общественно,
Даже чуточку пусть нескромно
Отйду я к своим вещественным
Доказательствам сути тёмной.*

Эти стихи внезапно вонзились в память Одиноца, когда вереница людей тянулась в Преисподнюю. Как только возникла толкотня, несколько человек прямо-таки пронесли мимо Лёни, словно они боялись не попасть в ад. Вываливались иностранцы, туристы, россияне, одни — весьма богатые на вид, бессмысленно важные, другие — поскромнее, а некоторые даже совсем неказистые, потрёпанные жизнью.

Но далеко не все выкатывались туда — в чёрную пасть. Многие, в том числе и Лёня, оставались нетронутыми.

— А вам нельзя, — рявкнул комментатор в микрофон, когда какой-то женоподобный толстячок вознамерился юркнуть в ад.

И толстячок отлетел обратно в вагон, точно футбольный мячик.

Новосёлов ада встречали ночь и молчание, ни тебе женщин с букетами, ни бодрящего марша, ни встречных улыбок — ничего. Издалека только доносился вой, похожий на хохот. Еле виднелись как тени призрачные фигуры вдали. Одна чёрная пустота, похожая на извращённую вечность.

Лёня заметил, что, выходя из поезда, новосёлы подвергаются странному изменению тел, и, видимо, там в глубине тьмы их уже кто-то ждал. Да, да, даже конфигурация тел менялась...

Лёня вздохнул.

Оглядел оставшихся, их было больше, чем ушедших. На их лицах выразалось смутное удовольствие, и ничего больше. Призрачность ситуации становилась просто неприличной.

— Осторожно, двери ада закрываются, — прохрипел голос в динамике.

Но минутой раньше из одного купе выскочил, словно его волочили за волосы, извивающийся человечек и завизжал: «Не хочу в ад!», но уже не человеческим голосом, словно статус человека был для него потерян навсегда. Визг замер, и влекомый потоком судьбы человечек в последние мгновения вылетел наружу, и двери за ним захлопнулись. На полу в коридоре валялась только его выпавшая из кармана чековая книжка.

Лёне врезался в память взгляд этого так ошеломительно исчезнувшего туриста. В его взгляде мелькнула уверенность в успехе, вдруг мгновенно сменившаяся патологическим ужасом.

Поезд между тем медленно тронулся с места. Оставшиеся чуть-чуть обрадовались.

— Господа! — на этот раз мягким приятным голосом, но несколько настойчиво снова заговорил комментатор. — Следующая остановка: «Ад ничтожных душ». Обращаю ваше внимание на то, что обратных билетов не выдаём. И не спрашивайте: не вашего ума дело. Наш поезд идёт только туда...

Лёня, ошалевший от отсутствия всякой реакции у пассажиров, подумал, что людей подменили, прежде чем они успели умереть. Ведь после смерти всё меняется, а они уже сейчас холодные... Но он остановил этот истеричный поток своих мыслей и с ходу спросил у интеллигентного старичка:

— У вас есть какие-либо вопросы?

Старичок озлился:

— А чего тут спрашивать? Смерть — это не нашего ума дело...

Его, однако, одёрнули:

— Какая тут смерть? Мы все живые. Просто будем сходить на станциях, куда нас доставит поезд.

Лёне до безумия захотелось увидеть того молодого человека, у которого на ладони образовалась чёрная пустота. Но где его искать? В ад Лёня не стремился. Для порядка он решил спросить, сам не зная о чём, у проводницы. Та, заспанная, выглянула из своего купе и лишь хрюкнула:

— Вам чего, гражданин?

Тогда Лёню разобрал хохот. Это был даже не его хохот, а тотальный хохот, как будто хохотала вся Вселенная.

Так и хохотал он долгое время, но на него никто не обращал внимания. «Хочет, ну и пусть себе хохочет, до ада ничтожных душ ещё далеко», — добродушно заметила сухонькая старушка.

Неизвестно, чем бы кончился этот хохот, если бы Лёню наконец не толкнули в бок. Мимо него проплыл слегка невещественный человек, на взгляд неопределённо-среднего возраста. Его

лицо было чем-то ошеломительно запоминающимся и светилось загадочностью.

Человек незаметно шепнул, в одно дыхание: «Лёня» — и подмигнул ему. А потом исчез.

А поезд мчался и мчался. То, что виднелось за окном, напоминало всё что угодно, только не покинутую землю.

...Лёня приходил в себя после того, как его окликнули. Ему показалось, что он узнал этот голос. Да, да, это был его собственный голос! Как же он не признал самого себя! «Возможно ли здесь ошибиться? — с горечью подумал Лёня. — А как же тогда свести концы с концами?» Но мысли гасли, подавленные присутствием иного мира.

Одинцов тупо решил вернуться в своё купе, как будто это что-то меняло. «Может быть, там таится прежняя жизнь?» — тихонько понадеялся он.

Но ничего особенного там не таилось. На нижней койке храпел толстый сосед, Савельев, он чуть было не попал в ад, а потом заснул.

Храп внушал уют, но уюта нигде не было. «Какой уж тут уют», — зевнул Лёня и вполне обезумевшим взглядом осмотрел купе. На столике стоял недопитый им чай и бутылка с водкой, видимо Савельева. Странно, что бутылка стояла нетронутой.

Остальных соседей Лёня видел в коридоре, но кто из них попал в ад, он не разобрался.

Между тем из других купе стали понемногу выходить пассажиры с сумками, чемоданами и даже с бутербродами — в ожидании следующей остановки. Одна худенькая женщина выползла даже

с раскладушкой — как будто в аду нет более нужной вещи.

Лёня тоже высунулся из купе и, взглянув, понял, что он как-никак сохранил остатки банального земного разума. А потом решительно стал приставать к вышедшим, чтоб те объяснили.

— Что ждём от перемены места жительства, мамаша? — довольно развязно обратился он к худощавой даме. — Зачем вам раскладушка?

— Да я с ней никогда не расстанусь, — вразумительно ответила та. — В ней вся моя жизнь.

И подмигнула Одинцову.

Это последнее почему-то опять ввело его в ступор. Он снова осознал, что находится всё-таки в ином мире. «У нас не подмигивают первому встречному, — вспомнил он. — Если только в сумасшедшем доме...»

И всё-таки, несмотря на ступор и смутное понимание, что он уже в ином мире, Лёня нервно подбежал к пожилому человеку, расплывшемуся от жира, и криком спросил у него:

— Что всё это значит?

— Ничего, — шепотком прозвучал равнодушный ответ.

— Как ничего?

— Так ничего. Просто ничего нет. И это приятно.

Лёня безнадежно махнул рукой. Он решил ни о чём не спрашивать, а главное, не думать вообще. «Далеко зайдёшь, спрашивая», — мелькнула последняя мысль.

И туман заволок его ум. Да и все остальные пассажиры были как в тихом дурмане. Только

до самых глубин сознания Одинцова доносились какие-то несвязные обрывки витающих в вагоне слов и мыслей: «Мой бизнес, мой бизнес...», «Где деньги...», «Я не выключил плиту, забыл...», «Я стала здесь чудовищем, чудовищем... домашнего вида...», «Где крысы, где крысы?! Где деньги?!», «Улечу в Амстердам».

Наконец Лёня насторожился: «Может быть, я стал телепатом?»

Тут же пронёсся какой-то мысленный взвизг, и Лёне послышалось: «Дайте досмотреть телесериал!.. Хочу домой!..» И потом более явственно: «How are you? How are you?»

Потом поток английских слов, и всё о деле, о фирмах в Нью-Йорке, о ситуации на бирже, и что-то ещё, до бесконечности. Одинцов уже ничего не понимал в этих криках, кроме «How are you?».

«Так можно английский язык выучить, если постараться», — выплыла мысль в душе Лёни. Но она утонула в взвизгах, в решительных «It is my business» и так далее.

«Вот тебе и тишина», — подумал Лёня и разинул рот от удивления.

Тем временем поезд замедлил ход. И внезапно пропали обрывки слов и мыслей. Наступила подлинная тишина. Но скоро разорвалась — возник до ужаса знакомый голос комментатора:

— Господа! Требую внимания! Рад сообщить, что мы приближаемся к «Аду ничтожных душ». Будьте готовы те, кто предназначен к выходу.

На этот раз тон его указаний был довольно миролюбивый.

Лёня увидел в окне некие призрачные очертания, возможно обитателей, напоминающие безысходное сновидение, которому нет конца.

Было ощущение, что всё это пространство наполнено еле видимыми существами, несущимися в вихре полоумной и даже в чём-то сумасшедшей суеты. И всё это тонуло в тумане безбрежной тупости и скуки и возникающего откуда ни возьмись беспощадного и нелепого страдания.

Лёня тихонько взвыл, подумав о том, что обитателям этого мира, как бы они ни суетились, спешить, собственно говоря, некуда.

Поезд остановился, двери открылись.

— Прощу! — сухо отреагировал комментатор.

И «предназначенные» — их было страшно много, разнообразных — толпой вываливались из вагонов поезда, точно влекомые неизвестной мистической силой.

Но другие оставались недвижимы, мистическое дуновение не касалось их. «Не заметили, и слава Богу», — шепнул кто-то на ухо Лёне.

Одинцов прилип к окну. «Батюшки, сколько их!» — хрюкнув, вскрикнул он.

Народу оказалось гораздо больше, чем на предыдущей станции. Из вагонов ещё продолжали высыпаться люди. Весьма разные, иностранцы, местные господа и товарищи, коммерсанты и домохозяйки, толстые и тонкие, важные и тихие — все оказались тут.

Но Лёню смутили торжественные звуки. Нет, он не ошибся: прибывающих встречали с музыкой. Правда, была она до одурения невразуми-

тельна на слух. Лёне показалось даже, что ревел какой-то потусторонний мамонт. Но на самом деле у Лёни просто сдали нервы. В аду ничтожных душ мамонты не водились. Лёня задергался, пытаясь заткнуть себе уши. Но музыка внезапно стихла, и Одинцов опять прильнул к окну.

Картина за окном неожиданно вызвала у него невыносимую скуку, и суета этого ада спровоцировала у него поистине загробную зевоту, которую невозможно было сдержать.

В то же время картина мироздания за окном вызвала ужас. Ужас трудно совместить с зевотой — но в ином мире всё это совмещалось.

Лёня отпрянул внутрь вагона и тут же спрятался в своём купе под нижнюю койку. Он оказался в подобии надёжного сундука. Потом пугово вынул голову. К его обалдению, человек на соседней койке проснулся, помрачнел, укусил себя в руку и опять закрыл глаза. Жирный его живот оказался оголённым и выделялся словно ночной горшок. Лёня плюнул и, изумлённый своим поступком, выскочил в коридор.

Двери почти всех купе были открыты, и народу явно поубавилось.

Поезд нёсся дальше — вперёд, вперёд, к неопределяемому!

Минут через пять снова заголосил комментатор:

— Дамы и господа! Со смешанным чувством страха и душевного облегчения спешу объявить нашу следующую остановку. Она называется «Рассеянные во Вселенной». Готовьтесь, дорогие мои.

И тут же по вагону забегала девица с распущенными волосами, и к тому же грязная и шумная до бреда. Коридор был почти пуст. Она подскочила к Лёне и странно прохихикала ему в лицо:

— А ты не мёртвый?.. Не мёртвый?

Лёня испугался (а вдруг и в самом деле мёртвый) и вскрикнул, отшатнувшись.

— А, дрожишь!.. Значит, живой или хочешь жить, если мёртвый!.. А то у нас тут много покойников развелось! — и с этими словами девочка сама отшатнулась от Лёни, словно жить с покойниками как-то веселее, чем быть с живыми.

Высунулась откуда-то совсем потерявшая голову проводница и погрозила кулаком в пустоту. Потом скрылась. «Видимо, навсегда», — подумал Лёня, почему-то успокоился и стал смотреть в окно. Через минуту холодок прошёл по нижней части живота. Там, за окном, ничего не было, кроме безграничного звёздного неба. «Неужели туда? — скользнула Лёнина мысль. — Не хочу! Не хочу! Тем более навсегда!»

В коридор стали высыпать люди.

Сначала пассажиры как пассажиры, а потом!.. С одной стороны, конечно, человеки, а с другой... Лёня провидел в них зачатки иных, неведомых существ. Одинцов пощупал себя самого, в страхе, что и он уже тот, и сладостно застонал: нет, пока ещё не тот.

Зато в пассажирах всё настойчивей и иступлённей проглядывали иные, далёкие от людей твари, иногда дурашливые и даже задушевные,

порой, наоборот, отпугивающие или небывалопотаённые.

К Лёне подошел человечек с глупо-добродушным выражением лица. Словно он уже превратился в некую мымру.

Опять провизжал голос из динамика:

— Господа, товарищи! Хочу предупредить — рассеяние лучше ада, — и не сравнивайте. Но человеческий статус будет потерян. Навсегда ли — другой вопрос. На бесконечно долго, по крайней мере. Идёте, в общем, вниз от человека. Но не унывайте.

Никого особенно не возмутили, даже не взволновали эти слова. Словно все молчаливо согласились. Впрочем, какая-то грусть у некоторых появилась.

Мимо Лёни прошёл весьма задумчивый человек, который всё время шептал: «Помогите, помогите мне поскорей расплыться по Вселенной».

К кому он обращался, было непонятно. Лёне тоже взгрустнулось после таких намёков. Непонятно было, где, в каком пространстве несётся этот поезд, тем более сейчас. Как будто он уже превратился в поезд-призрак, рассекающий миры, окутанные тайной.

Поезд внезапно остановился. Пассажиры, их было много, даже больше, чем сходило на станции «Ад ничтожных душ», мирно чуть-чуть похрюкивая, без всякого размышления выходили наружу.

Сойдя, они сразу переставали быть похожими на вещественные существа, а скорее на шары, перекати-поле, которых разносило в разные стороны. Каждому предназначалась своя сторона.

Видимо, тут находился перевалочный пункт — и от него шли пути-дороги. Бог знает куда. И кем становились эти люди, — не человеческого ума эти вопросы.

«Зато без нечистой силы обойдётся», — улыбнулся Лёня и по глупости подошёл близко к выходу. И вдруг какая-то костлявая старушечья рука вцепилась в него. Обладательница костлявой руки сходила, уже наполовину была там, и тянула за собой в эту пропасть Одинцова.

— Мой милый, родной, идём вместе, иди за мной, не пропадём вдвоём, слышишь, дорого-то наша шамкает, — голосила старуха. — Будь моим мужем там! Спляшем свадьбу над луной!

Лёня не захотел и стал отчаянно сопротивляться, барахтаться.

— Проходите, проходите же! — орали за его спиной. — Что вы мешаете сойти!

— Ишь, упёрся! — твердокаменно заорал кто-то сзади. — Не хочет идти! Здесь твоей воли больше нет!

Но Лёня явно был не предназначен на лихое это и звёздное рассеяние. Злобно оттолкнув старуху, которая ахнула в бездну и куда-то покати-лась, Лёня вынырнул из-под тел пассажиров и скрылся.

Странный свист, и поезд двинулся. Последние предназначенные попадали со ступенек во Вселенную. Кто-то даже с диким хохотом. Лёня оглянулся и побежал по коридору. Все двери в купе были открыты. Жирной проводницы как не бывало. «Улетела во Вселенную, бедолага!» — вздохнул Лёня.

Вообще поезд значительно опустел. Основная масса вывелась на предыдущих трёх невообразимых станциях. Осталось меньшинство.

Динамик долго молчал. «Что же теперь будет?» — взволновался Одинцов. Почему-то именно сейчас он озаботился. «Надо же, меня никуда не спихнули», — подумал он в некоем трансе.

Он опять осмотрелся, лица оставшихся были привычные, родные. И в этот момент заговорил динамик:

— Господа! Следующая станция «Обители». Этих обителей у Творца много, и они весьма разные: от предназначенных для чистых душой до искателей высших истин и тому подобное. Иными словами, для людей, у которых есть вертикаль к небу. Пусть даже небольшая. У всех них, однако, есть одно общее: все эти люди не попадают в низшие миры. Они не теряют человеческий лик и соответствующий статус.

Никогда ещё голосок в динамике не был таким предупредительным. Однако внезапно он изменился, став немного насмешливым:

— Надо сказать, нас удивляет, что в этот, за пределами гнусный по своей антидуховности, циничный и бездушный период, который длится сейчас на земле, нашлось среди наших пассажиров достаточно много людей, чья послесмертная дорога ведёт в высшие обители и чистые миры... Это поразительно и непонятно, — с некоторой даже досадой закончил неведомый комментатор.

Одинцов присмирел. «Наверное, теперь-то мне и сходить», — понадеялся он.

К его удивлению, предназначенных сойти на следующей остановке оказалось не так уж мало. Откуда ни возьмись в коридоре появились люди, в глазах которых был свет. Изменилась аура, померк ужас. Лёня заметил, что и поезд изменил свои очертания — да и был ли это поезд? Он уже превратился в субстанцию света, внутри которой находились они, оставшиеся путешественники. И этот корабль света входил в иную неопишемую сферу бытия. Чёрные миры страданий и неутолённой ярости остались внизу, позади. Лица человек вокруг были не только привычно-родными, но в то же время и особенными, своеобразными, начиная с тех, от которых исходила тишина и покой, и кончая теми, в чьих глазах преобладал разум поиска.

Лёня очень надеялся, что и он будет среди них. «Пора, пора, — вздыхал он, — жене напишу записку, что попал в рай и в ней теперь не нуждаюсь». Лёне даже не пришло в голову, что в раю нет почты.

Всё стало как-то понятно само собой. Самые странные мысли и самые нелепые движения находили своё оправдание, словно так и должно быть. Незнакомые целовались с неизвестными, возникали люди, о существовании которых Лёня не мог и помыслить. К нему подошёл красивый и внушительный мужчина и проговорил, вернее, как-то передал или послал свою мысль:

— Вы не представляете, как окрепло во мне моё бытие. Я просто расширяюсь от чувства благодати. Скоро превращусь в планету.

Лёня понимающе кивнул головой, и будущий небожитель ускакал.

«Куда несётся этот поезд света, в котором мы сидим, — вдруг засомневался Одинцов, — за его пределами ничего не видно, только нечто умопостигаемое, но у меня тупой ум, поэтому я почти ничего не вижу». Около него вдруг оказалась женственная фигура. От неё изливался поток такой необъяснимой нежности ко всему живому, что Лёня внутренне ошалел и стал приплясывать на месте.

— Кто вы? — спросил он мысленно.

— Раньше Таня была, — прозвенел ответ. — А что?

Да и во всём коридоре разлилась аура невиданной непорочной нежности.

Лёне стало жутко от бесконечно хорошего к нему отношения окружающих. Все были нежны и открыты друг другу, точно сливались душами, оставаясь собой. Ему стало и блаженно из-за такого необъятно-доброжелательного отношения, и немного боязно, если порой не жутко. Первый порыв боязни, однако, прошёл.

Та, которая назвала себя Таней, улыбалась ему, и её улыбка проникла во всё его существо, во все уголки души, обогревая, словно он попал в рай, и в то же время вызывая смятение — ибо то, что он ощущал, было не похоже ни на что из испытанного им ранее на земле. Он не нашёл ничего лучшего, как засмеяться. Но смех замер... Ещё минута, и Лёня бы разрыдался, но в этот момент поезд остановился.

Раскрылись двери, уже не похожие на раскрытую пасть неведомого. Здесь ощущался трепет тихого приглашения.

И снова зазвучал чуть гнусоватый голос комментатора:

— Господа! Рад предупредить, что среди этих распрекрасных обитателей есть одна, не такая уж распрекрасная. Это так называемая обитель «Ожидание». Нет, нет, я уже чувствую, некоторые дёргаются среди вас. Но вы же сами, ваше внутреннее состояние, ваш духовный уровень определяют вашу судьбу. Увы, никто, никакие боги это не в силах отменить. Что же некоторые вздрагивают? Какие вы всё-таки нервные. Особенно женщины. Нельзя так дрожать за себя, как будто вы абсолютная ценность... Спешу успокоить: «Ожидание» всего-навсего ожидание своей дальнейшей судьбы. Только и всего. Вы сохраняете статус человека и ждёте, когда поставят, так сказать, точку над «i». Будет вам время разобраться как следует и познать, кто вы есть на самом деле. Будете видеть как на ладони свою суть. Это вам не на земле жить в вашем диком бреде, который вы принимали за реальность... Так что радуйтесь, что попали в «Ожидание», а не в разные сомнительные сферы, в сообщество счастливых каннибалов. Тише едешь, дальше будешь.

И на этом оборвалось.

Лёню эта речь не очень смутила. «Ожидание так ожидание, — подумал он, — мы и при жизни всё время чего-то ждём. Подождём и здесь».

Тем временем предназначенные стали выходить. Лёня, выглянув сам не понимая куда, обнару-

жил, что в целом высыпалось довольно приличное число людей. К тому же Лёня ощутил, что среди большинства окружающих нет тех, для которых неизбежно «Ожидание», — уж слишком просветлились лица скользящих рядом людей.

«Чего таким ожидать-то, здесь всё ясно...» — бормотнул Лёня и, почему-то уверенный в своей благодатности, горделиво метнулся в общую струю уходящих от этой голубой планеты в лучшие миры.

«Я определённо не хуже их, — мелькнула мысль в его обновлённом уме. — На худой конец пусть будет «Ожидание»... чёрт с ним... подождём, лишь бы сойти с этого жуткого транспортного средства...»

И он был прав в том, что достоин сойти, но именно в «Ожидание». Однако тут случилось самое изумительное. Неумолимая сила, даже тени которой невозможно было сопротивляться, отнесла его от блаженного выхода, да так, что он больно ударился головой о что-то непонятное. В его уме прозвучало: «Не лезьте. И не суетитесь. Обитатели не для вас. И ждать вам тоже нечего. Вы — другой».

После таких пророчеств Лёня стал близок к обмороку. Одна мысль сверлила душу: «Куда ж я теперь похужу?» Тем временем двери в блаженные и умопостигаемые края медленно закрылись. И снова раздался голос комментатора — на этот раз печальный:

— Господа! Если кто остался (Одинцов оглянулся, вокруг него никто не виделся), то смею предупредить: я покидаю вас. Больше никаких

комментариев не будет. Наш, если угодно, корабль приближается к божественной сфере. Остановки будут, но они неопишуты. Вы, а вас всего-то кот наплакал, остаётесь в полном одиночестве. Всем вам — до встречи с Творцом неба и земли. А с меня хватит.

Лёня вышел из полуобморочного состояния. Он, вообще говоря, очень хотел жить. И совершенно ошалел от мысли, что попадёт в неопишутые миры. Как он там сможет существовать? В божественном Лёня считал себя идиотом и не представлял, как он может пребывать в бесконечной жизни. Его беспокойству не было предела. «Я ведь идиот! — закричал он однообразно. — Я законченный идиот по отношению к высшим мирам! Что я могу пискнуть перед лицом Бога?! Не хочу туда, не хочу, боюсь. Я просто растаю там, как какая-то иллюзия. Не хочу, не хочу! — он окончательно потерял голову и завыл: — Уж лучше в ад! Там есть счастливые людоеды. Энергетические вампиры то есть. Хочу в ад! Хочу в ад! К людоедам, вампирам, пожирателям людей, хочу туда!» — казалось, он сошёл с ума. Он вдруг затанцевал на одной ноге. Кругом была пустота. И внезапно перед ним возник тот самый странный, как будто бы невещественный человек, который хорошо запомнился ему. Возник и заговорил, но как-то телепатически, какое уж в неопишутых мирах может быть иное общение, кроме сверхъестественного.

— Лёня, успокойся, не безумствуй, не прыгай, здесь тебе перед лицом всемогущего Бога

не сумасшедший дом!.. И не сцены из Достоевского. Слушай меня внимательно, иначе утонешь в бездне. Прежде всего ты должен опять стать самим собой, совершенно тихим. Тише мысли. Это тебя спасёт. Ни о чём не думай, пропадёшь иначе. Наш комментатор еле унёс ноги. Но ты не останешься без внимания. Тебе объяснят, разумеется, кто ты такой в самом деле и чего тебе ждать. А я в любом случае никогда не оставлю тебя. Крепись и не бурли мыслями. Кое-что поймёшь... Будь пока мышкой-невидимкой, хотя и не прост ты на самом деле, ох не прост. Иначе ты бы не попал в такой переплёт.

И неведомый друг исчез. Его слова подействовали на Лёню на редкость ободряюще, точно он выпил эликсир молодости. Он и сам удивился этому.

— Кто же здесь ещё остался?!.. — крикнул он внутри себя вслед неведомому другу.

— Два-три человека наберутся, не более, — осветился ум Одинцова ответом.

— Да как вас зовут? — радостно взвизгнул Лёня, в уме, конечно.

— Это не тайна, Лёня. Меня зовут Аким Иванович. Запомни это имя навсегда...

И Аким Иванович стал недоступен, словно провалился.

Лёня вдруг решил проанализировать ситуацию. Но воззвал: «Аким Иванович! Как я могу не думать?» «Глупости можно думать, — выплыл всё-таки ответ от недоступного. — Но, не дай Бог, что-нибудь серьёзное».

Лёня устыдился своего стремления к анализу. Стал пристально вглядываться, где он и что. Никаких человеков в этом корабле света он не увидел. Но этот сгусток энергии и света продолжал куда-то двигаться, не двигаясь по существу. Иными словами, Лёня понял, что ничего определить словами, что являлось вокруг и внутри, он не в состоянии.

— Аким Иваныч! — слёзно позвал он. — А где же те два-три человека?

— Ты стал надоедлив, как собачонок, Лёня. Это не позиция в сфере неопишуемого. Может быть, сам увидишь их, когда надо. Первым увидишь... Но хватит. Я сам возникну...

Лёня совсем смирился. Он вспомнил своего кота, который всё время спал. «Как я хотел бы быть таким котом, — вздохнул он в душе, — ни о чём не думать, а только мурлыкать и мурлыкать. Мурлыкать во сне год, два, три, сто лет, двести, триста... до конца. Но мне этого не дано».

Вдруг, при полном молчании всего и вся, двери открылись. «Это мой конец! — подумал Лёня. — Аким Иваныч! Аким Иваныч! — завопил он в истерике. — Не пускайте меня туда! Аким Иваныч! Я не готов!»

Никакого ответа. Одно молчание.

Но некая сила заставила его успокоиться. И он утих. Внезапно появилось иное, духовное зрение.

Он увидел, что по некоей светоносной дорожке, распротёртой не только над всеми Вселенными, но и самим небом с его мирами, идёт одинокий человек. Он идёт туда, где возникло нечеловеческое

существо, подобное Солнцу. Что было внутри этого сияния, Лёня не мог и помыслить. Он только заметил, что голова человека превратилась в такое же Солнце, только очень маленькое, но той же природы. Поэтому человек и шёл к себе подобному... Далее Лёня потерял всё: мысль, сознание, рассудок... Но, когда очнулся, увидел, что он по-прежнему в корабле. И немислимый этот корабль продолжал своё движение, уже, конечно, давно вне всякого пространства. Лёня, дико озираясь на самого себя, стал неслышно орать, топтать душою, словно его душа превратилась в слона, и вести себя так, что даже жизнь в сумасшедшем доме показалась бы банальной по сравнению с состоянием его души.

Он уже не осознавал, кто он такой, хотя всё время помнил Аким Иваныча. Где-то мельком почувствовал, что опять открылись двери и кто-то вышел, если так можно выразиться. Бедованию его души, казалось, не было конца. Возникало порой только одно: «Когда же меня выпустят, куда мы летим?» Мгновенно возник ответ, но уже не Аким Иваныча. Голос был суровый и очень далёкий: «Мы летим в Бездну». Однако Одинцову теперь было всё равно: летит ли он в Бездну или в Неописуемую Реальность. И внезапно всё кончилось. Но он не провалился в Бездну, владеть которой мог только Бог или никто. Где он оказался — на «корабле» или ещё где-то, — теряло всякий смысл об этом думать. Главное, возвратился ясный разум и свет в душе. Также совершенно ясно звучал, словно в уме, высший голос — чей? — нелепо